

А. В. Мангилёва*

Уральское заводское духовенство в начале XIX в. (По материалам клировой ведомости Екатеринбургского уезда за 1809 г.)

Одной из наименее изученных тем в церковной историографии является история духовного сословия. Работ, в которых затрагивается эта тема, выходит довольно много, но почти все они основаны на материалах центральных архивов, затрагивающих лишь самые общие аспекты жизни духовенства. Между тем региональные архивы располагают весьма ценными источниками по данной теме. В их числе — клировые ведомости, способные пролить свет на очень многие вопросы, касающиеся приходского духовенства. В предлагаемой статье анализируется материал клировой ведомости, хранящейся в Государственном архиве Свердловской области, — ведомости о храмах Екатеринбургского уезда за 1809 г., в документе рассмотрены сведения по одному благочинническому округу, в состав которого входили приходы горных заводов. Даже на этом небольшом примере можно убедиться в том, как богаты клировые ведомости фактическим материалом, насколько сложнее и разнообразнее оказывается представленная в них жизнь, нежели в кратких сводках, делавшихся на их основании в консисториях для передачи в Синод.

С 1769 г. благочинные должны были ежегодно представлять в консисторию клировые ведомости на каждый храм своего округа. В 1-й половине XIX в. такая ведомость содержала имена священно- и церковнослужителей, их жен и детей, даты их рождения, а также сведения: «исправны» ли священно- и церковнослужители в пении и знании Катехизиса, «способны ли к произношению поучений, обучались ли в семинарии и говорят ли проповеди, и говоренные проповеди присылали ли в семинарское правление; доброго или худого поведения; здоровы или больны, и справляют ли в церкви службу в великие праздники, торжества и молебствия соборные, и поют ли

* © Мангилёва А. В., 2007

Анна Владимировна Мангилёва, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

по царским фамилиям панихиды и мирские требы; имеют ли все нужное домостроительство; их дети как мужеска, так и женска пола чему обучаются; какое между собой имеют родство и где и сколь далече живут, достаточно или недостаточно; уволенные от должности, вдовы и сироты чем содержатся; когда и в какое звание произведен или откуда переведен, не несет ли должность благочинного или депутата, не был ли когда и за что штрафован и не был ли от должности отставлен или уволен и ныне не под судом и за что; не исполжен ли в подушный оклад; священно- и церковнослужители коlikою ругою или каким жалованием содержатся и имеют ли церковную землю и сенокос, и сколько нив и каковы земля и луга, и на сие имеют ли межевые планы и книги или крепости, и сверх сего получают чего от доброхотодателей, то есть от прихожан; прихожане государевы или господские чем промышляют себе пропитание и достаточно или скудны, сколько приходских дворов, сколько мужеска пола и женска, сколько дворов прибавилось или убавилось; сколько старообрядцев; сколько иноверных, то есть лютеран, католиков и реформатов, некрещеных, например татар, калмыков и других»¹.

Сведения, сообщаемые клировой ведомостью, как правило, стандартны. Благочинные, дающие отчет о состоянии подведомственного им духовенства за истекший год, старались по возможности его сократить: ведение документации отнимало много времени. Вероятно, иногда менялся и формуляр ведомости, поступивший из консистории. Так, например, в 1817–1818 гг. сведения о семье клирика были разделены на две колонки: в одну вносились сведения о членах семьи мужского пола, в другую — сведения о членах семьи женского пола. При этом из формуляра исключили сведения о датах рождения, ограничившись указанием возраста на момент составления ведомости; другие данные в ведомостях за этот период также подаются очень скупо. Много зависело и от самого благочинного. Некоторые, вероятно, старались продемонстрировать свою старательность и отвечали на вопросы ведомости более подробно.

К числу таких усердных благочинных относился Иона Васильевич Попов, не только давший о своем благочинии в 1809 г. очень подробные по сравнению с остальными благочиниями Екатеринбургского уезда сведения, но и постаравшийся внести в свои записи некоторые оценки существовавшей ситуации. В состав его благочиния в 1809 г. входило 13 храмов: 10 из них находились в заводских поселках, 2 — в селах и 1 — в Грбовской крепости. Обитатели этих поселений были гораздо больше связаны с заводскими работами, чем с земледелием, так что в целом благочиние Ионы Попова можно охарактеризовать как заводское. Среди заводов были как казенные, так и частные, что, как будет показано ниже, определяло реальное различие в типах приходов.

Сам Иона Попов очень быстро продвигался по службе: проучившись в семинарии «по философию», так как высшего, богословского, класса в Пермской семинарии тогда еще не было, он был рукоположен во иерея в декабре 1804 г. в возрасте 22 лет, уже в мае 1805 г. назначен на должность благочинного. Он служил настоятелем Успенской церкви Березовского завода, которая находилась неподалеку от места жительства его отца, диакона из села

Городище Соликамского уезда. Вероятно, высокий уровень образования (священник был способен произносить проповеди собственного сочинения, что было под силу далеко не всем выпускникам семинарии) позволил отцу Ионе выбрать по собственному желанию приход, расположенный вблизи от Екатеринбурга на золотодобывающем государственном заводе.

Положение березовского клира можно назвать завидным: в соответствии с Горным положением, жалование священника составляло здесь 300 руб., диакона — 200 руб., причетников — по 120 руб. в год. Их дополнительные обязанности были невелики: «Обучают при школе малолеток и токмо российскому чтению, так как все малолетки 8-ми годов употребляются в работу». Единственная «ложка дегтя»: «При нынешнем начальнике... лишены духовные и на одну копну покосов, не говоря о прочих пособиях к продовольствию жизни служащих». Прихожане гораздо щедрее заводского начальства: «От доброхотодателей доходов в 1809-м году священники получили по 101 р[уб]. 50 к[оп]., диакон 64 р[уб]. 95 к[оп]., четыре причетника по 34 р[уб]. 51 к[оп].». Благочинный не склонен недооценивать материальное положение себя самого и своих сослуживцев: «в хорошем и благовидном против прочих состоянии»².

Уже в 1806 г. в клировой ведомости значится, что священник Попов имеет собственный дом, — не всем удавалось так быстро устроиться на новом месте, тем более сразу же после семинарии и вдали от семьи. Конечно, материальную помощь мог оказать и отец, но, скорее всего, молодой настоятель воспользовался приданым жены³ — она у него была из купеческой семьи. В 1809 г. настоятель Березовского прихода описывает свой достаток следующим образом: «Дом и состояние по званию своему имеется, благодарение всегдашнее Богу и начальству, достаточное, скотоводство разного рода по малейшей части, огород, усаженный по местам деревьями, по наставлениям возделанный и обширный, в котором разводятся и маленькое пчеловодство»⁴. Судя по другим благочинническим отчетам, среднеуральское духовенство предпочитало заниматься именно скотоводством, поэтому сад и огород о. Ионы, возделываемые в соответствии с агрономической литературой, представляются скорее исключением, чем правилом. Очевидно, садоводство представлялось более интеллигентным занятием, чем содержание скота, и благочинный самым образом жизни пытался утвердить свое отличие от прежних, необразованных и грубых, сельских попов, не лишившись при этом достатка. Что касается слова «состояние», то в лексиконе о. Ионы оно имеет значение прежде всего движимого имущества.

Состав причта Березовского храма к 1809 г. существенно изменился по сравнению с предшествующим временем. В 1808 г. здесь появились 2-й священник и диакон, также обучавшиеся в семинарии, но только в риторическом классе (они прослушали на 1 курс меньше, чем настоятель). О. Иона оценивает их снисходительно: в уставе они еще не сведущи, проповеди могут читать только по книге, причем диакон способен подготовиться к проповеди «хорошо», а священник лишь «нехудо», но 22-летний диакон «по должности к службе иногда не поспешает». При этом священник Иоанн Боголепов, рукоположенный в июле, уже имеет «дом собственный порядочный и состоя-

ние хорошее», несмотря даже на то, что «здоровьем отзывается слаб», тогда как диакон Николай Пономарев «дому своего не имеет, и состояние по причине оплачивания семинарских еще долгов небогатое», хотя рукоположен он был в феврале. У диакона имеются поблизости зажиточные брат, отец и тесть, все священники, а о. Иоанн смог указать из проживающих неподалеку родственников лишь тестя — священника в Шадринском уезде (впрочем, тоже достаточного)⁵.

Если священник и диакон были довольно ценным приобретением для прихода, то пономарь Михаил Блохин являлся для других клириков скорее всего лишь источником проблем. Ему 14 лет, он «начинал токмо несколько обучаться в семинарии; читать еще натверживается Псалтири, петь не умеет, Катихизис не знает, живет у священника Боголепова под опекою, должность его несут другие причетники, доходом своим и жалованьем помогает матери своей солдатке, живущей в Екатеринбурге в воспитании двух малых братовей»⁶. В 14 лет поздно «натверживаться» Псалтири (т. е. учиться читать ее без запинки на церковнославянском языке), но отец Михаила вряд ли мог всерьез заниматься воспитанием сына: поскольку духовное сословие было закрытым, мать пономаря могла стать солдаткой только потому, что мужа ее сочли непригодным для церковной службы и отдали в солдаты во время военного разбора духовенства в 1806 г. Этот разбор, вызванный войной с Францией, практически не успели произвести, так что попасть в него умудрились лишь самые неспособные из клириков. Тем не менее жена и дети этого причетника остались в сословии, и епархиальное начальство заботилось об их пропитании. Только еще обучающийся своим обязанностям пономарь получает, однако, не только заводское жалованье, но и «доходы» за службы, в которых он, вероятно, вообще не участвовал. Однако дальнейшая судьба пономаря вызывает некоторые опасения: вряд ли 25-летний священник, у которого еще нет даже собственных детей, смог дать приличное домашнее образование подростку, а ведь духовенство Пермской епархии ждало более суровый разбор 1831 г.

Трое других причетников Березовского храма также не отличались особым усердием или способностями. Дьячок Александр Бирюков лишь на год старше Михаила Блохина и, хотя он и состоит при храме с 1806 г., но «должность свою по причине малознания еще устава под руководством отправляет», впрочем, «поет ныне почти уже твердо»⁷. На приход он в таком раннем возрасте попал не от бедности: здесь явно ощущаются хлопоты «достаточных» отца-диакона и деда-священника, живущих в том же уезде и старающихся заранее устроить подростка на хорошее место. 24-летний дьячок Михаил Хлебин не имеет ни собственного дома, ни скота, но «по прочем состояние имеет порядочное». Откуда пришло к нему это состояние, неясно, да и другие отметки благочинного о нем, на сегодняшний взгляд, странны: «Грубости и непокорства к высшим не отстаёт», но «поведения доброго»; впрочем, неуживчивость могла быть и семейной чертой характера: мать дьячка жила «особенно от обоих сыновей... в бедном состоянии», хотя брат дьячка был диаконом в екатеринбургской церкви Сошествия Святого Духа⁸. Самый

старший из причетников — 30-летний пономарь Алексей Пономарев — «поет тупо, и как о изучении [так в тексте.— А. М.] и натвержении себя, так и о должности и церкви малорачителен, дому своего не имеет, скотоводство малое». Он даже женился недавно (в 1806 г. был неженат⁹), хотя обычно причетники бывали расторопнее в матримониальных делах, надеясь затем получить диаконский или священнический сан.

На приходе Пышминского золотопромывательного завода положение менее благополучное. Священником там — Стефан Мутин (ему 33 года, он окончил богословский класс Тобольской семинарии, так что уровень образования у него выше, чем у благочинного). Несмотря на то что он служит давно, на этот приход он попал только в текущем году, а на прежнем месте служения — в Преображенском соборе Шадринска — состоял в 1808 г. под судом «за свенчание девки Параскевы Галековой без воли родителей... и за битие крестьянина Андрея Боровских до крови». Помимо этого, он еще и не дослуживает литургии, ограничиваясь часами¹⁰. О. Иона об этом не знает, но о новом священнике высказывается осторожно: «Проповеди изустно говорит или нет, еще неизвестно. Дома по новости не имеет, живет в весьма хорошей квартире казенной... А о поведении его по краткости пребывания здесь и по разнообразному его в разных случаях видимому характеру впредь до последующего времени ясно рекомендовать еще не можно, в прочем должность свою по приходу исправляет и упивается мало»¹¹.

Диакон Алексей Попов, хотя и обучался риторике, но в 21-летнем возрасте, прослужив уже год на приходе, читает «нетвердо», да и в целом «в службе еще нетверд». Так же как и священник, диакон живет на квартире, не торопясь обзаводиться своим домом, хотя здесь уже не указано, что квартиру предоставил завод, так что возможно, что диакону приходится платить за частное жилье. Причина проблем: «При молодости своей начинает упиваться»¹². Дьячок Яков Гаврилов, 19 лет, хотя и обучался по «синтаксису», «читает и поет нетвердо», «должность по малознанию устава исправляет под руководством священника», и только пономарь Иван Тюшняков не вызвал у благочинного нареканий¹³.

Жалованье на Пышминском заводе клирики получали такое же, как и на Березовском, церковных земель и покосов не имели, обучали «при школе малолеток чтению и письму», но прихожане Пышминского завода, видимо, не особенно ценили свое духовенство: за требы в 1809 г. священник получил лишь 36 руб. 44 коп., диакон — 22 руб. 78 коп., а причетники — по 15 руб. 94 коп.¹⁴

22-летний священник Преображенской церкви Уктусского золотопромывательного завода Константин Гаряев обучался философии, но «проповеди сочиняет редко, а читает по книге». У него «дом собственный небогатый. Отец его переведен отсюда в Горный Щит, а дом его здесь, в Уктусе, весьма хороший, и семейство живет во оном, а сын, священник Константин, со отцовским семейством не живет и как против отца, так и против высших себя груб и ослушен; поведения доброго»¹⁵.

Ничем особо не выделяется диакон Преображенского храма Иоанн Лукин: ему 21 год, он обучался риторике, «проповеди по книге читает поря-

дочно», состояния «посредственного», живет на квартире. Отец и брат его — пономари при Ирбитском соборе, «довольно достаточны»¹⁶. Дьячок Афанасий Никитин в свои 13 лет «читает и поет по сию пору еще не твердо, Катехизис не весьма изучил, должность его дьяческую по малознанию устава отправляет пономарь». «Кроме шалостей некоторых ребяческих, поведения доброго». Назначен он был дьячком еще в 1805 г., видимо потому, что его отец, диакон Травянского села Камышловского уезда, «живет с малолетними детьми недостаточно»¹⁷. Снова пример того, что священнослужители оказывались в худшем материальном положении, чем церковнослужители. Наконец, пономарь Артемий Максимов, 23 лет, вынужден исполнять дьячковскую должность вместо Никитина, он еще не женат, имеет собственный «небольшой» дом и живет «посредственно»¹⁸.

Поскольку Уктусский завод, так же как и уже описанные, принадлежал казне, повторять совпадающие сведения (о положенном духовенству казенном жалованье и отсутствии приписных к церкви пахотных земель и лугов, об обучении детей в школе) смысла нет — в дальнейшем для заводов Горного ведомства приводятся только те данные об обеспечении духовенства, которые отличаются от стандартных. Для Уктуса благочинный отметил щедрые пожертвования прихожан в истекшем году (священник — 106 руб. 71 коп., диакон — 66 руб. 69 коп., причетники — по 46 руб. 68 коп.), но обратил внимание на то, что «поправляются в своем состоянии, получая жалованье и доход хороший, почему-то худо»¹⁹.

Биографии священника Севериана Ляпустина и диакона Льва Флоровского Вознесенской церкви Нижне-Исетского железоделательного завода схожи. Оба обучались «по философию», оба «проповеди своего сочинения сказывают», но 22-летний священник «к должности еще привыкает» (рукоположен в июне 1809 г.), а диакон «в должности старается быть исправным» (рукоположен в декабре 1808 г.). Оба «дома своего» не имеют, а «состоянием еще поправляются», и родня у обоих вполне благополучна²⁰. Дьячок Петр Максимов ничем не выделяется, а вот у 15-летнего пономаря Федора Лапина примечательная родня: отец его, живущий в Беляковской слободе Камышловского уезда, «исположен» в подушный оклад, при нем проживает брат Федора — пономарь²¹. Кем является отец, в ведомости не указано, но в клировой ведомости Камышловского уезда за 1807 г. Федор Лапин значится при Беляковской церкви как сын отосланного в светскую команду пономаря Ивана²², так что «исположение» в оклад не являлось наследием XVIII в., а случилось в результате разбора 1806 г. Интересно также, что в Камышловской ведомости годом рождения Федора назван 1793, а в Екатеринбургской — 1795. Такой разнобой в датах встречается часто и выглядит как ошибка переписчика, но данный случай заставляет задуматься: всегда ли эти ошибки случайны? Возраст записанного среди «сиротствующих» сына попавшего в разбор причетника большой роли не играет, но служащему пономарю, который «читать, петь, Катихизису еще натверживается», а к должности «привыкает»²³, лучше свой возраст несколько снизить.

Священник Нижне-Исетского завода получил в 1809 г. за требы 57 руб. 99 коп., диакон — 36 руб. 24 коп., причетники — по 25 руб. 27 коп. Духовенство занималось обучением детей «при школе, которая здесь против прочих заводов поблагоустроеннее»²⁴.

В селе Горный Щит при Покровском храме служит отец уже упомянутого Константина Гаряева, священник Дмитрий Гаряев. Ему 46 лет, он «читает, поет только с очками уже хорошо», «к церкви прилежен». Младший его сын, 11-летний Агафангел, «обучается грамматике, арифметике и пению, читает и пишет нехудо». 3 дочери «воспитываются хорошо, обучаются вышивать, вязать, прясть и шить» — это, естественно, заслуга матери, дочери государственного мастерового, но в ведомости 1806 г. о двух старших дочерях было сказано, что они обучены грамоте²⁵, что, скорее всего, результат забот отца, хотя сам о. Дмитрий получил только домашнее образование²⁶. Дьячок Иван Ляпустин и его сын пономарь Александр нигде не обучались, имеют «состояние небогатое, скотоводство необширное и частицу для пропитания своего семейства хлебопашества». В семействе еще четверо маленьких детей. Отсюда понятно, почему пономарь начал служить в 12 лет, а в 15 он «должность по настоянию отца и паче по наблюдению священника исправляет порядочно»²⁷.

Формально Горнощитский приход — сельский, фактически же часть здешних прихожан — рабочие государственного мраморного завода, поэтому духовенство получает от завода «на общество в год 24 р[уб]., да с крестьянского общества священнику 70 р[уб]., причетникам по 25 р[уб]., сверх сего пользуются для содержания скотоводства покосами, небольшим сбором осеннего, Рождественского и Петровского». Здесь впервые упоминаются сборы продуктами — осенние, зимние (приуроченные к Рождественскому посту) и летние (приуроченные к Петровскому посту). Такие сборы были обычны для сельских приходов, где духовенство получало от прихожан так называемую хлебную ругу (оговоренное и закрепленное устным или письменным договором содержание продуктами), но в данном случае крестьяне дают духовенству и денежную ругу: заводские подработки обеспечивают крестьянам какое-то жалованье, что и вызвало изменения в материальном обеспечении духовенства. В 1809 г. за требы священник получил 38 руб. 25 коп., причетники — по 19 руб. 12,5 коп.²⁸

При Троицкой церкви Северского завода Турчаниновой служат только священник и дьячок. Священник Петр Балярский, несмотря на молодость (28 лет), представляет образчик «старого» варианта духовной карьеры. Он не обучался в семинарии, но с 18 лет служил дьячком при этом храме, где тогда священником был его отец. Когда в 1808 г. отец по старости вышел за штат, сын занял его место, хотя законодательно это было уже запрещено. О. Петр «поучения читает... по книге», «поведения доброго и трезв». К тому же он — человек хозяйственный: «Домообзаводится по причине ветхого отцовского строения вновь, живет с отцом»²⁹.

Дьячку Александру Дергачеву благочинный дал чрезвычайно благожелательную характеристику: «Должность как можно хорошему дьячку исправ-

ляет и письмоводствует всеми при церкви делами весьма похвально, домозаводство, скотоводство и состояние от благоприобретения и от трудов своих имеет хорошее». При этом 27-летний дьячок уже 4 года вдовец, воспитывающий двух маленьких детей³⁰. Хозяйка завода дает в год священнику «60 р[уб]., 60 пудов хлеба, дрова и свечи, отставному священнику 24 р[уб]., 24 пуда муки, 8 сажень дров, полпуда свечи [так в тексте.— А. М.] и на господском содержании дельщик (?), дьячку Дергачеву 24 р[уб]., 40 пудов хлеба и всем сенные господские покосы. От прихожан руги священнику 18 р[уб]., двум причетникам по 9 р[уб].» — вероятно, выведенный за штат отец священника Петра исполняет причетническую должность. За требы в 1809 г. священник получил 38 руб. 69,5 коп., на 2 причетнические части пришлось по 19 руб. 34 коп.³¹

Успенская церковь Верх-Исетского завода Яковлева была двухштатной, и если 30-летний Александр Резанов принадлежал к старому типу священников (в семинарии не обучался, получил место вышедшего за штат отца), то 23-летний Георгий Горных рано рукоположен потому, что обучался в философском классе (правда, он, как и о. Александр, «проповеди токмо по книге читает»). Резанов «домообзаводство старанием своим устроенное имеет изрядное, содержит лошадей и работников для исправления разных работ к поддержанию своего состояния и к содержанию семейства немалого, так как на содержании его отец — отставной священник, мать и сестра вдовая с дочерью, трезв, здоров, поведения доброго»³². О. Александру в исполнении его обязанностей помогает отец — заштатный священник Елисей, который «по слабости своего здоровья ничем уже не занимается, разве иногда по случаю исправлением за сына треб, и, к сожалению, по прежней своей привычке иногда упивается и при всем том в поведении кроток и смирен». Младший сын Елисея Иван учится в семинарии и только что зачислен к этой же церкви пономарем³³.

Священник Горных, не связанный родством с остальным клиром, «в доме живет хорошо, господском, состояние начинает иметь хорошее»³⁴. В данном случае приход (точнее, хозяин завода) смог предоставить вновь назначенному священнослужителю жилье, но были и ситуации, когда выпускник семинарии, получивший свое место не по наследству и оказавшийся среди «чужаков», вынужден был снимать жилье за свой счет. Отсюда понятно, почему именно после реформы духовной школы в начале XIX в. регулярно вставал вопрос о необходимости обеспечить духовенство жильем за счет прихода. Примерно в таком же положении находится и диакон Андрей Капустин. Он не обучался в семинарии, но был рукоположен, видимо, потому, что, служа дьячком в Камышевской слободе, получил хорошие рекомендации: «В должности своей против прочих гораздо отличнее»³⁵. Пока что он «квартирою пользуется господской, состояние по новости имеет не богатое»³⁶. Дьячки Алексей Попов и Иван Задорин, а также пономарь Петр Чирков (соответственно 17, 13 и 18 лет) не получили семинарского образования и с должностными обязанностями справляются не очень хорошо³⁷.

Кроме предоставления жилья, заводовладелец мало чем помогает духовенству: священники получали с прихожан по 32 руб. 50 коп. руги в год,

диакон — 20 руб. 80 коп., причетники — по 11 руб. 5 коп., «покосов дается часть и токмо священникам». За требы в 1809 г. священники получили по 65 руб., диакон — 41 руб. 60 коп., причетники — по 22 руб. 10 коп. «И по всему тому содержание священно- [и] церковнослужителей самое небогатое, и дополняют свое состояние наипаче священники по требованию домообзаводства большею частью разными посторонними дозволенными средствами и содержанием для работ лошадей и работников»³⁸.

Оба священника Архангельской церкви Ревдинского завода уже немолды: Георгию Балярскому 44 года, Андрею Бурову — 46 лет, нигде не обучались. Младший «ныне после многих подтверждений и обязанностей подписками упивается менее и потому к должности рачителен», старший «читает с препинаниями, поет нетвердо, Катихизис знает... поучения читает токмо по натверждению». «Домообзаводство» оба имеют «изрядное», а «скотоводство, по заводскому пребыванию, малое». Балярский имеет двух дочерей. Священник Андрей Буров «состояние, по видимости, имеет довольное, о воспитании детей старателен». Он устроил пономарем старшего сына, Алексея, который окончил 4 класса семинарии и «читает твердо, но по небольшому косноязычию с препинанием»³⁹. Видимо, найдется место и для младшего сына Петра, несмотря на то что он «гугнив и косноязычен»⁴⁰ (видимо, дефект речи был фамильным).

Наиболее благополучными из клириков Архангельской церкви представляются диакон Георгий Распопов и его сын дьячок Александр. Диакон «домообзаводство старанием и трудами усовершенствованное имеет, от прочих отменно хорошее, состояние довольное, скотоводство небольшое, о воспитании и обучении детей весьма старателен». Дьячок в 15 лет, несмотря на то что не учится в семинарии, «должность свою в рассуждении устава без дальнего руководства исправляет порядочно», «благонадежен и благонравен. Сверх должности обучен чеботарству»⁴¹. Другому дьячку, Ивану Белецкому, 26 лет, и, несмотря на отсутствие семинарского образования, он «в должности, как исправный и лучший дьячок», «читает и поет весьма твердо»; «дом имеет оставшийся от отца весьма хороший, состояние небогатое», при нем живет сирота-племянник, сын священника Николай Воинственский, а вот мать «по своенравию своему... и дочери своей живет с сыном порознь, поведения обе доброго». Мать, вдова священника, «содержится частию от господина за службу мужа своего положенным жалованьем и имеет хороший по удостоверению оставшийся достаток»⁴².

Нельзя назвать благополучным положение пономаря Ревдинского храма Андрея Топоркова. Ему 51 год, он «читает, поет по тупости зрения с запинанием», «упивается ныне мало, здоровьем стал слаб». «Дом, состояние и скотоводство по своему званию имеет порядочное», но при слабом здоровье положиться в старости ему не на кого: «в Кунгурской округе, неизвестно в каком селе, сын его двоеженец из диаконов в причете»⁴³, т. е. сын сложил с себя сан, поскольку женился вторично после смерти первой жены — вряд ли он обладает большим достатком.

Владелец Ревдинского завода Зеленцов весьма щедр к духовенству: «От господина в год положено жалованья священнику 100 р[уб]., 500 пудов сена,

1 пуд свеч, 15 сажень дров, диакону 70 р[уб.], 300 пудов сена, 30 фунтов свеч, 10 сажень дров, 4-м причетникам — по 40 р[уб.], 50 п[удов] сена, 20 ф[унтов] свеч, 8 саж[еней] дров». За требы священники получили по 72 руб. 62 коп., диакон — 46 руб. 48 коп., причетники — по 24 руб. 29 коп. «По всему означенному положению священно- [и] церковнослужителей против прочих таковых же заводских кажется исправнее и несколько благовиднее»⁴⁴.

Священники храма Александра Невского при Билимбаевском заводе гр. Строганова также принадлежат к старшему поколению. Иван Комаров, 47 лет, «зрением весьма уже туп, проповеди по книге читает хорошо, здоровьем слаб, трезв», «живет в доме господском, состояние имеет хорошее и частию скотоводство». Ранее исполнял должность благочинного. Сын и зять его проживают в Екатеринбурге, состоят «в светской службе», «достаточны». Возможно, такой выход за рамки сословия обеспечила родня жены священника — дочери канцеляриста. Был в свое время благочинным и 2-й священник — Александр Смородинцев, 50 лет. В 1805 г. он был уволен от должности благочинного и поступил служить на первый екатеринбургский единоверческий приход, но прихожане вынудили его уйти⁴⁵. Вернувшись на православный приход, он оказался в не самой благоприятной ситуации: «поет нетвердо, проповеди читает редко, да и способности имеет к тому мало, зрением стает туп. В доме живет господском, из скотоводства имеет корову токмо и лошадь». Сыновья его — священники в Сысерти и Бруснянском селе, «и как они, так и сам он состояние имеют посредственное»⁴⁶.

Диакон Александро-Невского храма Прокопий Дерябин погружен в хозяйственные заботы, что сказывается на его службе: «Катихизис знает не весьма твердо, к должности не как следует рачителен, большею частию по причине занятия посторонними заботами, к содержанию немалого своего семейства. Скотоводство имеет против прочих обширное, огород хорошо обработанный, дом и состояние благоприобретенное хорошее». Семья у диакона весьма значительная: 8 детей, с ним также живут престарелая мать и сестра, последняя «занимается всякими мелочными по заводам торгами, чем даже и брату своему в содержании помогает много»⁴⁷. Добросовестен в службе и успешен в хозяйственных делах 26-летний пономарь Матвей Сапожников: «В Катихизисе и письме против прочих исправен, к должности рачителен, домом обзавелся своим и частию скотоводством, о поправлении себя в состоянии старателен», «поведения доброго, токмо нередко замечается в грубости и упрямстве против высших себя»⁴⁸.

Ни один из причетников Архангельской церкви не заслужил доброго отзыва от благочинного. 15-летний пономарь Василий Гобов «поет, Катихизис знает худо»⁴⁹. 16-летний дьячок Александр Горных «читает и поет слабо, в должности по малознанию устава мало еще исправен, ко изучению себя неприлежен», к тому же «1809 год[а] в июне подавал в обнесение благочинного по наущению других важную, но самую ложную просьбу, по которой было опубликовано по всему благочинию»⁵⁰. К ведомости приложена и объяснительная записка, составленная благочинным: «1809-го года, 21-го октября. По бытности моей в Билимбаевском заводе дьячок Александр Горных при всем

обществе духовных будучи усвоен и спрошен благонаравно, почему бы он прошедшего июня месяца убежал от меня самовольно, не токмо во лже обнес меня, якобы, проживая у меня с 9-го числа того июня по 15-е, употребляем был в разные великие и многие работы до изнеможения сил и болезни. Но и более всего обнес и оболгал в том, что вместо бытности своей токмо с 13-го числа до полудни 15-го для увеличения клеветы своей написал бытность свою с 9-го числа, и что в те два дни с половиною и дрова рубил, в конюшне и в огороде чистил и копал, за лошадью ходил, и на разных посылках был до изнурения, и на все то, наконец, открылся, что он действительно в 15-е число бежал нарочито к протоиерею Вологодскому для испрошения отлучке к своему родителю в Кыштымский завод и что оный протоиерей вместо отпуска к отцу начал принудительно увещать и принуждать подать на благочинного со изысканием всяких каких-либо причин прозбу под [слово неразборчиво. — А. М.] и убеждением таковым, что ежели, де, не подашь прозбы и ежели, де, благочинный донесет рапортом о твоём самовольном уходе, то ты останешься весьма виновный. И как он, дьячок, не соглашался на все таковые увещания, то приказано было ему явиться в духовное правление, где протоиерей Вологодский, долго советовавшись с копиистом Упадышевым, тайно и по совете приказал Упадышеву отобрать от меня такие мелчайшие причины прописать в истинный резон в прозбу, и мне по неведению моему и неразумию в делах под оною подписаться»⁵¹.

История эта не вполне ясна. Хоть дьячок Александр и признался в том, что прежняя его жалоба составлена под давлением протоиерея Вологодского и копииста духовного правления, остается неизвестным, зачем он жил в доме благочинного. Жалобы на то, что благочинные заставляют причетников работать в своем хозяйстве, нередки в документах того времени. Да и то, что подросток⁵² сбежал и стал просить о встрече с родителями, свидетельствует не в пользу благочинного. Но и протоиерей Николай Вологодский вряд ли стремился заступиться за дьячка, скорее всего, увидел хороший предлог для того, чтобы навредить благочинному, хотя причины его неприязни выяснить сложно.

И наконец, последний причетник Билимбаевского прихода — дьячок Яков Бельдюков, 66 лет, «читает по тупости зрения худо, поет наслыхом, Катихизис из памяти забывает, упивается часто и по причине того в должности мало исправен, и при старости ведет худо себя, к сожалению, дому же, скотоводства и состояния, по крайней мере, по своему званию вовсе не имеет». Но самое удивительное то, что он «по происхождению из господских крестьян, и неизвестно, каким образом поступил в духовенство». Видимо, бывший крепостной ухитрился пристроиться к церкви благодаря своей грамотности. По крайней мере, цену образованию он явно знает, поскольку научил читать даже своих дочерей⁵³, что сравнительно редко делали те, кто принадлежал к духовному сословию по праву. Обосновался он в сословии надежно, и сын его уже диакон⁵⁴. Вполне возможно, что карьера Бельдюкова — барская прихоть Строгановых.

«От заводчика жалование священнику в год денег 120 р[уб]., сена 500 пуд[ов], свечи, дрова и квартира достаточная, диакону — денег 80 р[уб].,

часть дров, свеч и для сена покос. Причетникам по 50 р[уб]., Бельтюкову и Сапожникову даны и покосы, получают посредственные за требы денежные доходы: в 1809 [году] священнику 39 р[уб]. 62 к[оп]., диакону — 25 р[уб]. 53 к[оп]., причетники по 13 р[уб]. 43 к[оп].»⁵⁵.

В Петропавловской церкви Шайтанского завода служит священник Александр Иосифов. «Здесь при церкви по положению и уставу служба не всегда отправляется по жалобе прихожан и по замечанию, по лености и небрежению священника», который «поет и Катихизис знает нетвердо, пишет худо, состояние имеет частью от тестя-крестьянина наследственное, в доме живет господском, по должности и по всем требуемым от его делам и отчетам нерадив и небрежен. Упивается нередко, в настоянии о причетниках слаб»⁵⁶. Небрежное отношение к службе священника передается др. клирикам: 14-летний дьячок Петр Распопов «в должности может быть по примеру священника малорачителен, в поведении имеет неблагоприятные шалости, для поддержания его во особенное надзирание и наблюдение препоручен отцу своему, диакону»⁵⁷ (диакон Георгий из Ревдинского завода). Лучшей характеристики удостоился дьячок Николай Сапожников, 20-летний брат билимбаевского пономаря Матвея. Николай обучался в семинарии по 2-й класс, «смирнен и благонадежен», «живет сам собою и достаточно на квартире, из скота имеет корову, лошадь и овец»⁵⁸.

Заводовладелец — московский купец Ярцов — по мнению благочинного, прижимист: «От г[осподи]на содержание положено малодостаточное, священнику 100 р[уб]., 12 сажень дров, полшуда свеч и порядочный дом, причетникам токмо по 25 р[уб]. и по части всем покосов». «Небогатые за требы доходы»: священник — 25 руб. 53 коп., причетники — по 12 руб. 87,5 коп. «Почему и содержания наипаче причетникам никак не может быть достаточного»⁵⁹. Плата за требы — на совести прихожан, но если сравнивать жалованье «достаточных» священнослужителей Ревдинского завода и «малодостаточного» шайтанского священника, то внешне разница кажется не такой уж существенной: либо благочинный прежде всего побеспокоился о причетниках, либо 500 пудов сена стоили довольно дорого.

При Знаменской церкви Верхне-Тагильского завода Яковлева служит большая семья Псаломщиковых во главе с 46-летним священником Василием. В 1791–1806 гг. он исполнял должность благочинного, но был от нее отставлен «за худое поведение» и «за тайное взятие церковных денег, ныне, 10 руб., штрафован». Правда, на момент составления ведомости он «к должности станет несколько прилежнее, домообзаводство довольно хорошее, скотоводство небольшое, состояние, по небрежению даже о собственности своей, малодостаточное». О. Василий взял в храм пономарем своего сына Ивана, но толку от того мало: «чтение, пение, знание Катихизиса нетвердо», «ныне по настоянию отца к должности и церкви прилежнее», «поведения доброго, токмо по необразованности своей в воспитании впредь подает хорошей надежды мало», а ведь ему уже 16 лет⁶⁰. Здесь же служат и племянники о. Василия — дьячок Михаил и пономарь Василий. Старший, 32-летний Михаил, «домообзаводство от отца оставшееся имеет хорошее, скотоводство небольшое,

состояние по занятию крашения и синения холстов также хорошее», вот только «состоит полтора уже года под судом якобы по воровству кубовой краски на 125 рублей». Младший, 23-летний Михаил, живет с братом и ничем не выделяется, кроме того, что «читает непрозорливо»⁶¹. Судя по тому, что братья унаследовали дом отца, семейство Псаломщиковых обосновалось при храме уже давно.

Диакон Иван Тюшняков «кроток, смирен», но также не особенно преуспел: «Дом, скотоводство, по причине небрежения о состоянии духовных от кержаков-управителей и по малополучаемым доходам, имеет самое небольшое, содержится с семейством своим большею частью от посильных трудов своих»⁶². Как видим, заводская администрация могла оказывать существенное влияние (как позитивное, так и негативное) на положение приходского духовенства, в записях благочинного об обеспечении клира в целом и о благосостоянии прихожан жалобы на приказчиков-старообрядцев (кержаков) встречаются часто. Дьячок Никифор Мельников, 55 лет, «Катихизис знает нетвердо, читает и поет по тупости зрения ошибочно, родства ближнего из духовных не имеет, в должности токмо трезвый исправен, но упивается часто и так ведет себя безобразно и худо, а потому ни дому, ни скотоводства, ни состояния малейшего не имеет»⁶³. Следовало бы отправить его за штат, но ведь тогда без родни он и его жена будут просто обречены — вероятно, епархиальным властям довольно часто приходилось сталкиваться с подобной дилеммой.

Из-за скупости заводчика Яковлева и прихожан, а также враждебности управляющего-старообрядца материальное положение клириков Знаменской церкви — бедственное: «Положена руга от прихожан весьма недостаточная, от г[осподи]на жалование самое убогое, доходы от цер[кви] самобеднейшие, а именно в 1809 г. из руги священнику досталось 50 р[уб]., диакону 30 р[уб]. 50 к[оп]., причетникам по 21 р[уб]. 87 к[оп]., из жалования священнику 16 р[уб]., диакону 10 р[уб]., причетникам по 7 р[уб]. 44 к[оп]., из доходов церковных священнику 44 р[уб]. 4 к[оп]., диакону 27 р[уб]. 52 к[оп]., причетникам по 9 р[уб]. 63(?) к[оп]... и потому наипаче диакон и причетники, не имея никогда ни малейшего в чем-либо от управляющего заводами поверенного Зотова в крайних нуждах вспоможения, и по просьбам удовлетворения в самом жалком пребывают состоянии»⁶⁴.

Священник Георгиевской церкви Уткинской слободы 34-летний Дмитрий Козельский не обучался в семинарии, но «поучения по книге читал нехудо. Домостроительство по старанию своему имеет отменное, частию пчеловодство и скотоводство немалое, о строении церкви старателен и усерден. Состояние имеет видное и достаточное»⁶⁵. Другие клирики не так благополучны. Диакон Николай Словцов, 38 лет, «поет нетвердо, по должности не весьма исправен, дом имеет порядочный, скотоводство небогатое, состояние по причине вдовства и неимения присмотра за экономией беднейшее и житие с малолетними детьми жалостнейшее. Временем упивается, но поведения доброго». 18-летний пономарь Иван Словцов (диакону родственником не является), хоть и обучался по 3-й класс, но «читать и петь еще натверживается,

к должности по малоучености его прежде сего не вовсе был исправен. Ныне же по должности и по поведению неизвестен, так как чрез полгода отлучался совсем от церкви якобы с билетом и якобы для приискания места и для изъятия приговора к посвящению»⁶⁶. Пономарь был зачислен в штат по указу и даже еще не посвящен в стихарь, его отлучка неспроста показалась благочинному подозрительной: с такими познаниями он вряд ли может рассчитывать на посвящение, а там, где затеяна такая авантюра, и паспорт может оказаться фальшивым.

В государственной слободе духовенство получает от прихожан денежную ругу: священник — 100 руб., диакон — 35 руб., пономарь «по причине нерадения о должности и церкви — ничего. Священник и диакон имеют хорошие отводные покосы и пользуются получаемыми за требы доходами», в 1809 г. священник получил 42 руб. 42 коп., диакон — 26 руб. 50,5 коп., «на дьяческом месте зачисленный семинарист Кузовников со исключением третьей части исправляющему 12 р[уб]. 37 к[оп]., пономарь с получением третьей части зачисленного всего 24 р[уб]. 73 к[оп].»⁶⁷. Видим, что доход, причитавшийся двум причетникам, делился на 3 части, одну из которых получал учившийся в семинарии Кузовников, а 2 части — действительно служивший временно Словцов: таким образом церковные причты поддерживали бедных семинаристов и семьи, в которых некому было служить по малолетству сыновей.

Последний храм, входящий в благочиние Ионы Попова, — Ильинская церковь Грбовской слободы. Жизнь клириков, по-видимому, типична для бедной церкви в глухой провинции. Священник Иван Кузовников и оба причетника с трудом справляются со своими прямыми обязанностями и, похоже, гораздо больше внимания уделяют хозяйственным заботам. Священник «домозаводство имеет новое обширное, изрядное, больше для содержания и постою проезжающих, скотоводство весьма довольное, состояние достаточное, но не видное», сын, 19-летний дьячок Иван, живет вместе с ним. Пономарь Иван Анциферов «живет небогато своим домом, имеет овец, двух коров и лошадь, здоровьем ненадежен. Недостатки свои доставляет частью портным и чеботарным искусством»⁶⁸. Священник получал 70 руб. руги, дьячок — 40 руб., пономарь — 36 руб., «и всем покосы для содержания скота отводные священнику на 250 копен, и 10 сажень дров, дьячку на 50 копен, пономарю на 40 копен». За требы священник получил 55 руб. 30 коп., причетники — по 27 руб. 65 коп.⁶⁹

Плата за требы, по-видимому, в первую очередь определялась уровнем достатка прихожан. Сведения о благосостоянии прихожан в изложении Ионы Попова также более подробны, чем у других благочинных. Далее записи благочинного сведены в таблицу. В ней содержатся также сведения о церковных старостах, в то время как другие благочинные не приводят даже их имена.

Приход	Прихожане	Церковные старосты
Березовский завод	Государственные мастеровые, которым «для содержания из казны выдается хлеб: большим по 2 пуда, малолеткам по 1 пуду,— и всякому рядовому работнику 1 руб. в месяц; и частью пересыльные, которым жалованья токмо 50 коп. в месяц, два пуда муки, 5 фунтов крупы и 2 фунта соли и платье казенное, из обоего пола прихожан самомалейшая часть достаточны». Приходских дворов — 967, душ мужского пола — 2940, женского — 2697	«Из мастеровых старших Федор Подокамов», 75 лет
Пышминский завод	Государственные мастеровые «получают провиант и жалованье из казны. Большие — по 2 пуда и рубль в месяц и другие — до 4 рублей, а малолетки — по пуду и жалованья от 50 коп. до 80 коп. Дети женска пола получают токмо до 15 лет по пуду муки, и по всему тому наипаче не имеющие ремесла какого-либо малодостаточны». Приходских дворов — 176, душ мужского пола — 532, женского — 525	«Из отставных мастеровых Михайло Федоров Курочкин», 61 год. «Староста в должности другой год, который по новости в распоряжениях мало расторопен, к церкви усерден, поведения доброго»
Уктусский завод	Государственные мастеровые получают «на взрослых по 2 пуда муки и на детей до 15 лет, хотя бы они и в работе были, по пуду, и всякий рабочий берет в месяц жалованья от 1 до 4 руб.». Крестьяне «пропитываются от земледелия и повольных работ». Мещане имеют доход «от торговли». Достатка посредственного. Приходских дворов — 251, душ мужского пола — 783, женского — 705	«Из мастеровых Савва Соколов», 41 год. «В должности с 1801 г. По должности исправен и усерден... но при всем том бывает груб и ослушен и за то малопохвален»
Нижне-Исетский завод	У государственных мастеровых «содержание обыкновенное казенное; по малодействию здешнего завода большая часть от домов своих раскомандирована в другие	«Конторы бухгалтер Василий Афанасьев Гилев», 25 лет. «В должности другой год, при строении церкви действительно оказывает довольно старания и усер-

Приход	Прихожане	Церковные старосты
Горнощитское село	заводы, и потому весьма многие состояние имеют беднейшее». Приходских дворов — 229, душ мужского пола — 553, женского — 562 «На мраморном заводе мастеровые, а прочие — крестьяне. Первые получают из казны жалованье и провиант, вторые — от хлебопашества и конных работ, большую частью малодостаточны». Приходских дворов — 198, душ мужского пола — 635, женского — 657	дия и по замечанию поведения доброго» Крестьянин Семен Воронин, 60 лет. «В должности с 1802 г... по малопросвещению своему хотя иногда и недоумет, но к церкви человек усердный и поведения доброго»
Северский завод	Государственные мастеровые получают «по примеру казенных заводов» от заводчицы, достаточных мало, состояния посредственного. Приходских дворов — 180, душ мужского пола — 521, женского — 515	Илья Дмитриев Широков, 35 лет. «В должности с 1809 г., к церкви усерден, от работ освобожден и получает от госпожи хлеб и жалованье, поведения доброго»
Верх-Исетский завод	Государственные мастеровые, «частью господские, получают хлеб и жалованье по своему мастерству, большую частью малодостаточны». Приходских дворов — 471, душ мужского пола — 1254, женского — 1335. Старообрядцев мужского пола — 43, женского — 46	Мастеровой Дмитриев Бревнов, 32 года. «В должности с 1809 г., к церкви усерден, но по новости к распоряжениям церковным еще привыкает, поведения доброго»
Ревдинский завод	Крепостные крестьяне «за заводские работы получают не обидную цену, почему из оных находятся и весьма достаточные, токмо меньшая часть». Приходских дворов — 792, душ мужского пола — 2788, женского — 3 тыс. Старообрядцев мужского пола — 687, женского — 704	Федор Аввакумов Большухин, 51 год. «В должности с 1809 г., к распоряжениям церковным по новости еще привыкает и состоит более под управлением самого господина, от господских работ за службу уволен, к церкви усерден, поведения доброго»
Билимбаевский завод	Крепостные крестьяне «пропитание получают за работы заводские, достаточных весьма мало». Приходских дворов — 718, душ мужского пола — 2001, женского — 2074	Афанасий Стефанов Шумахин. «В должности с 1809 г. и по новости к распоряжениям церковным еще привыкает, к церкви усерден, поведения доброго»
Шайтанский завод	Крепостные крестьяне «за заводские работы получают хле-	Алексей Сергеев Панов, 67 лет. «Староста вкупе и

Приход	Прихожане	Церковные старосты
Верхне-Тагильский завод	<p>бом и деньгами, кажется, безобидно, почему и довольно находится жителей достаточных, но к сожалению большая часть достаточных — старообрядцы». Приходских дворов — 285, душ мужского пола — 1018, женского — 1078. Старообрядцев мужского пола — 371, женского — 386</p> <p>«Мельчайшая часть» государственных мастеровых, остальные — крепостные, «пропитание имеют от господина, получая за работы хлебом и деньгами, и конечно, по малому довольствованию со стороны прикащиков живущие большая часть в беднейшем состоянии». Приходских дворов — 470, душ мужского пола — 2109, женского — 2212. Старообрядцев мужского пола — 859, женского — 895. «Приход сей от усилившегося в нем раскола под именем старообрядчества крайне в худом положении и расстройстве находится от времени до времени»</p>	<p>трапезник, при церкви находится с 1792 года и за службу свою от господина получает в год 15 руб., к церкви усерден, в поведении кроток и смирен»</p> <p>«Из господских Амвросий», 57 лет. «В должности с 1805 г., за службу от господских работ освобожден, к церкви усерден, поведения доброго»</p>
Уткинская слобода	<p>«Большей частью» государственные крестьяне. «Снискивают пропитание от строения и сплаву судов со здешней пристани и от повольных разных заводских подрядов. Мастеровые содержатся на обыкновенном казенном содержании, хлебопашеством крестьяне не занимаются, можно думать, что от необыкновения и удаления себя в другие работы, покосными местами по Чусовой богаты, и некоторые содержат небольшое пчеловодство». Приходских дворов — 427, душ мужского пола — 1370, женского — 1470. Старообрядцев мужского пола — 19, женского — 28</p>	<p>Иван Иванов Чиганцов, 48 лет. «В должности с 1801 г., к церкви рачителен и усерден при строении и сооружении, поведения доброго»</p>

Приход	Прихожане	Церковные старосты
Гробовская крепость	Государственные крестьяне «хлебопашества якобы по скудости природы земли не имеют, пропитание снискивают от разных повольных заводских подрядов и ямщицкой гоньбы по трактовой Пермской дороге и состояние имеют некоторые достаточное». Приходских дворов — 195, душ мужского пола — 465, женского — 512	Анисим Бекетов, 61 год. «В должности с 1803 г., по церкви довольно распорядителен, поведения доброго»

Насколько соответствовала плата за требы благосостоянию прихожан? Духовенство Ревдинского завода, где рабочие получали такую же плату, что и на Березовском, получило гораздо меньшее вознаграждение (на Березовском приходе церковь двухштатная, но даже с учетом этого фактора на долю каждого священника приходится в 2 раза больше), что можно объяснить низким авторитетом клириков, но можно связать и с гораздо меньшим числом прихожан, а значит, и треб. С другой стороны, ситуация на Уктусском заводе сопоставима с Ревдинской, но духовенство получило большие пожертвования — значит, моральный фактор все-таки необходимо учитывать. Неплохие доходы от треб клириков Ревдинского завода (в сравнении с другими приходами — см. выше) можно объяснить большим количеством прихожан, но среди них числится довольно много старообрядцев (можно предположить, что и среди официально числящихся православными было некоторое число тайных староверов), так что правильнее, наверно, приписать щедрость жертвователей «необидной» плате за заводские работы. Такая же ситуация наблюдается в Гробовской крепости, а вот бедные прихожане Нижне-Исетского и Верх-Исетского заводов, видимо, довольно высоко ценили своих клириков. И, как всегда, в бедствиях не только духовенства, но и прихожан Иона Попов обвиняет приказчиков-старообрядцев.

Обращает на себя внимание больший разброс в уровне доходов духовенства на приходах при частных заводах, чем на приходах при казенных заводах. Объяснить это можно тем, что рядом с частными предприятиями существовало значительное сельскохозяйственное окружение и эти прихожане предпочитали рассчитываться с духовенством продуктами, как и некоторые рабочие, гораздо сильнее связанные с сельским хозяйством, чем мастеровые казенных заводов. Определить, какой способ оплаты был выгоднее духовенству, сложно.

Не стоит спешить со сравнением заработков рабочих на казенных заводах и доходов клириков. Возникает, конечно, соблазн разделить 100 пудов хлеба, данные священнику на год, на 12 месяцев и противопоставить полученную цифру 2 пудам хлеба, которые получали мастеровые, но на заводах

хлеб выдавался также и детям, тогда как священник должен был содержать на свое жалованье всю семью, как правило немаленькую. В целом положение заводского духовенства было, вероятно, хуже, чем положение сельских клириков. В этом убеждают воспоминания Д. Н. Мамина-Сибиряка о своем отце, священнике при церкви частного завода. «Приход у отца был маленький, и соответственно с этим были малы доходы. Деревенские приходы, конечно, были лучше, особенно в благословенном Зауралье, но отец ни за что не хотел туда идти, потому что там священники ходят по приходу с “ручкой”, собирая “петровское”, “осеннее” и “ругу”. Он предпочел свою бедную заводскую независимость»⁷⁰.

Среди церковных старост абсолютное большинство — пожилые люди из крестьян или мастеровых. Примечательно, что многих из них, даже крепостных, сравнительно молодой священник называет по имени-отчеству. Единственный служащий среди церковных старост — бухгалтер Нижне-Исетского завода, также названный по имени-отчеству, несмотря на молодость. Его назначение понятно: при заводе строится новый храм, поэтому приходится иметь много дел с бухгалтерией. Определить, каким образом на том или ином приходе староста получил свое место — в результате приходского выбора или назначения, произведенного заводской администрацией, — из указанных данных довольно сложно. Среди старост есть как давно служащие, так и находящиеся в должности не более года, но вряд ли и они были выбраны: старосты из крепостных освобождаются от заводских работ, так что здесь скорее можно видеть заботу администрации о добропорядочных стариках, которые более не способны работать. Незаметно, чтобы на назначение старосты оказывало влияние приходское духовенство: среди давно служащих старост один «малопохвален» за грубость.

В целом, сведения, сообщенные протоиереем Ионой Поповым, дают возможность представить положение заводского духовенства на Среднем Урале. Доходы духовенства во многом зависели от благорасположенности заводской администрации и хозяев заводов, а потому были не очень стабильны. То, что многие клирики стремились обзавестись большим хозяйством, свидетельствует о желании быть независимыми от прихожан, но часто подобная хозяйственная активность приводила к упущениям в собственно церковной деятельности. Среди клириков много пьющих, но этот порок был распространен среди духовенства повсеместно. Встречается много примеров, когда отцы стремятся устроить своих сыновей на церковнослужительские места, вместо того чтобы отправить их в семинарию. С одной стороны, тем самым обеспечивается дополнительный доход для семьи, с другой — несмотря на законодательные запреты, для таких причетников все еще остается возможность получить священнослужительское место. Тем не менее можно видеть, что существенную часть молодых священнослужителей составляют уже выпускники семинарии, и даже среди причетников довольно много тех, кто хотя бы некоторое время учился в низших классах семинарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО), ф. 6, оп. 2, д. 420 (Ведомость о церквях и священнослужителях по Ирбитскому уезду за 1803 г.), л. 1 об.— 2.
- ² Там же, д. 431 (Ведомость о церквях и священнослужителях церковей Екатеринбургского уезда за 1809 г.), л. 18.
- ³ Там же, д. 423 (Ведомость города Екатеринбурга и уезда оного о церквях и их служителях за 1806 г.), л. 20 об.— 21. Женился Иона Попов, самое позднее, в 1804 г., когда его невесте было 15 лет.
- ⁴ Там же, д. 429 (Ведомость о церквях и священнослужителях по Верхотурскому уезду за 1808 г.).
- ⁵ Там же, д. 431, л. 16 об., 18.
- ⁶ Там же, л. 18 об.— 19.
- ⁷ Там же, л. 16 об., 18.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же, д. 423, л. 21 об.
- ¹⁰ Там же, д. 430, л. 3.
- ¹¹ Там же, д. 431, л. 18 об.— 19.
- ¹² Там же, л. 18 об.— 19.
- ¹³ Там же, л. 19 об.— 20.
- ¹⁴ Там же, л. 19.
- ¹⁵ Там же, л. 19 об.— 20.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же, л. 20 об.— 21.
- ¹⁹ Там же, л. 21.
- ²⁰ Там же, л. 20 об.— 21.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, д. 428, л. 17 об.
- ²³ Там же, д. 431, л. 20 об.— 21.
- ²⁴ Там же, л. 21.
- ²⁵ Там же, д. 423, л. 26 об.— 27.
- ²⁶ Там же, д. 431, л. 20 об.— 21.
- ²⁷ Там же, л. 22 об.— 23.
- ²⁸ Там же, л. 22.
- ²⁹ Там же, л. 22 об.— 23.
- ³⁰ Там же, л. 23 об.— 24.
- ³¹ Там же, л. 23.
- ³² Там же, л. 24 об.— 25.
- ³³ Там же, л. 25 об.— 26.
- ³⁴ Там же, л. 24 об.— 25.
- ³⁵ Там же, д. 423, л. 73 об.— 74.
- ³⁶ Там же, д. 431, л. 24 об.— 25.
- ³⁷ Там же, л. 24 об.— 25 об.
- ³⁸ Там же, л. 25, 26.
- ³⁹ Там же, л. 26 об.— 27.
- ⁴⁰ Там же, д. 423, л. 32 об.— 33.
- ⁴¹ Там же, д. 431, л. 27 об.— 28.
- ⁴² Там же, л. 27 об.— 28.
- ⁴³ Там же, л. 27 об.— 28 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 27, 28.
- ⁴⁵ См.: Мангилёва А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 139–140.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- ⁴⁶ ГА СО, ф. 6, оп. 2, д. 431, л. 28 об.— 29.
⁴⁷ Там же, л. 29 об., 31.
⁴⁸ Там же, л. 29 об., 31–31 об.
⁴⁹ Там же, л. 31 об.— 32.
⁵⁰ Там же, л. 29 об.— 31.
⁵¹ Там же, л. 17–17 об., 30.
⁵² Александр Горных тоже «помолодел» по сравнению с предыдущей ведомостью: там годом его рождения был назван не 1794, а 1789 (см.: ГА СО, ф. 6, оп. 2, д. 423, л. 45 об.), но поведение дьячка свидетельствует в пользу более поздней даты.
⁵³ ГА СО, ф. 6, оп. 2, д. 423, л. 45 об.
⁵⁴ Там же, д. 431, л. 29 об., 31.
⁵⁵ Там же, л. 29, 31.
⁵⁶ Там же, л. 31 об.— 32.
⁵⁷ Там же, л. 32 об.— 33.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Там же, л. 32, 33.
⁶⁰ Там же, л. 35 об.— 36.
⁶¹ Там же, л. 36 об.— 37.
⁶² Там же, л. 34 об.— 35.
⁶³ Там же.
⁶⁴ Там же, л. 34, 35, 36.
⁶⁵ Там же, л. 35 об.— 36.
⁶⁶ Там же, л. 36 об.— 37.
⁶⁷ Там же, л. 36, 37.
⁶⁸ Там же, л. 36 об.— 38.
⁶⁹ Там же, л. 38.
⁷⁰ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Повести. Рассказы. Очерки. М., 1975. С. 394.